

Наверное, возможно спорить по поводу того, насколько оправданным является выделение форм сравнительной степени прилагательных в отдельные статьи или же отсутствие помет у субстантивированных прилагательных (приводимых недифференцированно от обычных прилагательных), или же отсутствие отсылок у прилагательных, употребляющихся всегда только в одном единственном словосочетании (например, *оутрби*).

Можно было бы, видимо, назвать и еще некоторые частности, по поводу которых было бы возможно высказать сомнение или возразить. Но даже сам характер названных замечаний свидетельствует о том, что сомнения могут касаться лишь незначительных частных особенностей осуществленного издания.

Высокий уровень подготовки текста, бережное отношение к тому, что сохранилось от предшествующих публикаций Успенского сборника, подробнейшей палеографической комментарий и великолепно составленный научно-справочный

аппарат — все это определяет характер рецензируемого издания.

Хотелось бы, чтобы следующие издания древнерусского рукописного наследия, богатого, разнообразного и, к сожалению, еще так мало подвергнувшегося детальному научному анализу, были подготовлены и осуществлены на столь же высоком уровне, с такой же подкупающей тщательностью, но, может быть, на более совершенном полиграфическом уровне. Представлялось бы очень желательным, чтобы в последующих подготовляемых Сектором изданиях древних рукописей удалось применить тот венский или, как его еще называют, ягичевский шрифт (иначе венская или ягичевская гарнитура), употребление которого в свое время немало способствовало совершенству публикации Саввиной книги, Синайской псалтири XI в. и др., а в наши дни характеризует издания славянских рукописей, осуществляемые за рубежом.

Т. Н. Кандаурова

«Нивхско-русский словарь». Сост. В. Н. Савельева и Ч. М. Таксами, М., изд-во «Советская энциклопедия», 1970. 536 стр.

Первый «Нивхско-русский словарь», составленный В. Н. Савельевой и Ч. М. Таксами, является относительно полным и включает в себя, как указывают его составители, свыше 13 000 слов. При наличии ранее вышедшей двухтомной грамматики нивхского языка, а также «Русско-нивхского словаря» (сост. В. Н. Савельева и Ч. М. Таксами, М., 1965) выход в свет этого словаря создает возможность для исследования нивхского языка в широком сопоставительном плане, в частности — в целях выявления его генетических связей, которые до настоящего времени остаются невыясненными.

В предисловии (стр. 3—10) приводятся некоторые сведения о нивхах и нивхском языке и о тех задачах, которые ставили перед собой составители; особо сообщается о принципах построения словарных статей (стр. 11—20).

«Нивхско-русский словарь» является диалектным: в нем дается лексический состав амурского диалекта нивхского языка, наиболее изученного в настоящее время, и приводятся параллели (правда, не всегда) из его второго основного диалекта — восточносахалинского, имеющего значительные фонетические, лексические и грамматические отличия от первого; третий, северосахалинский диалект нивхского языка, занимающий промежуточное положение между этими диалектами, в словаре не представлен совсем.

В словаре нашла отражение тематически самая разнообразная лексика (хозяйственная, культурная, общественно-политическая и т. п.). Значительный интерес не только для лингвистов, но и для этнографов, представляют такие хорошо разработанные в словаре тематические слои лексики, как топонимы, слова-табу, слова, связанные с религиозными представлениями нивхов, родовые названия, термины родства, клички животных и собственные имена людей. В словаре нашли отражение многочисленные неологизмы, часть которых образована средствами самого нивхского языка, а другие представляют собой заимствования из других языков (прежде всего, из русского); приводятся также некоторые идиомы, которые пока еще совсем не исследовались в нивхском языке.

Представленный в словаре лексический материал и его разработка в словарных статьях отражают явления полисемии, омонимии и синонимии, также еще не бывших предметом специального исследования.

Положительно оценивая издание «Нивхско-русского словаря», вместе с тем следует указать на ряд существенных недостатков, часть которых создает известные трудности при его использовании, особенно для неспециалистов. Прежде всего, недостаточно продумана система буквенного обозначения фонем нивхско-

го языка. Составители пишут: «Для обозначения гласных фонем на письме используются следующие буквы:

для а	буквы	а,	я
»	у	»	у, ю
»	о	»	о, ё
»	э	»	э, е
»	и	»	и, йи
»	ы	»	ы, йы» (стр. 504).

Следует заметить, что диграфы *йи, йы*, а в ряде случаев и буквы *я, е, ё, ю* обозначают соответственно не гласные *а, о, э, и, ы, у*, а сочетание этих гласных со среднеязычным сонантом *й*. Далее, поскольку сочетание гласных *и* и *ы* со среднеязычным сонантом *й* обозначаются в словаре диграфами *йи, йы*, то авторам следовало быть последовательными и обозначить сочетание фонем *а, о, э* с сонантом *й* соответственно диграфами *йа, йо, йэ*. Это представляется тем более необходимым, что в нивхском языке в большой группе переходных глаголов, основы которых начинаются с гласных, выделяется местоименный по своему происхождению показатель объекта *й-*, выступающий в их составе в качестве префикса, когда отсутствует словесно выраженное прямое дополнение (см. подробнее ниже).

Буквы *я, е, ё, ю* употребляются в словаре также для обозначения гласных фонем *а, э, о, у* после среднеязычных *т'* и *н'*. Вместе с тем те же среднеязычные согласные перед гласным *ы* и согласными обозначаются диграфами *ты* и *ны*.

Таким образом, одни и те же фонемы без каких-либо на то оснований (на нивхском языке не существует письменности и, следовательно, нет какой-либо письменной традиции) передаются в словаре различными графемами.

Не всегда обоснованно применяются в словаре пометы. Так, при звукоподражательных словах в словаре обычно указывается на то, что они являются подражаниями таким-то звукам; однако в некоторых случаях при них дается помета *межд.* *звукоподр.*, т. е. *междометие звукоподражательное* (например, при слове *паз* II, стр. 255 — подражание падению какого-л. тяжелого тела) или даже просто помета *межд.*, т. е. *междометие* (например, при слове *тун-тун*, стр. 365 — подражание стукну). Это неточно, так как в нивхском языке звукоподражания относятся к образным словам, которые образуют особый лексический и грамматический разряд слов, отличный от междометий. Некоторые же образные и в том числе звукоподражательные слова даются вообще без пометы.

В словаре довольно часто употребляются пометы: *только в знач. сказ.* и *в знач. сущ.* В первом случае было бы правильное употреблять помету *в функции сказуемого*, поскольку это касается слов, выступающих только в функции сказуе-

мого, а во втором случае вообще нецелесообразно давать какую-либо помету, так как речь идет о существительных, образованных от качественных глаголов при помощи суффикса *-к*. Ошибочные пометы даются и в ряде других случаев. Например, при слове *аг* «там» дается помета *мест. указ.* (стр. 26), т. е. *местоимение указательное*, хотя это слово является местоименным наречием; наряду с вопросительной частицей *-ла/-л*, в отдельной словарной статье с пометой *межд.*, т. е. *междометие*, дается *-ла* со значением «а» (стр. 152), хотя в этом случае мы имеем дело с той же вопросительной частицей *-ла*, но образующей, как это видно из приведенных примеров, форму риторического вопроса (*Тидь, чила! А, это ты!*) и др. В то же время принятые в словаре пометы даются не во всех необходимых случаях. Так, например, знак ромба, употребляемый как помета идиоматических выражений, отсутствует при таких идиомах как *кинс вить* «магнит» (буквально: «чортово желез») (стр. 65), *т'уур задь* «высенать огонь» (буквально: «огонь бить») (стр. 86) и других явно идиоматических выражениях.

Вызывает сомнение принцип отбора словарных форм, принятый авторами словаря. В словаре даются самостоятельные словарные статьи на такие формы одного и того же слова, образование которых имеет однотипный и регулярный характер для всех слов соответствующего разряда, в частности — на каждую из видовых форм глагола (законченного, многократно, обычного и продолженного действия), а также на каузативную форму глагола, на форму со значением намерения совершить действие, обозначенное соответствующим глаголом, на некоторые отрицательные формы глагола. Так, наряду со словарной статьей на глагол *видь* «идти, ехать, двигаться, перемещаться» в словаре даются отдельные словарные статьи на его видовые формы *ви-уыт-ть* со значением законченности действия и *ви-т'адь* со значением обычной действия, на каузативную форму *ви-гудь*, на форму *ви-ины-дь* со значением намерения совершить это действие, а также на его отрицательные формы *ви-усудь* «не ходить, не ездить», *ви-игердь* «не желать, не хотеть, отказываться ехать, идти куда-л.», *ви-ирутездь* «не быть в состоянии пойти, поехать куда-л.» и даже на такие формы этого глагола, которые включают в себя показатели различных грамматических категорий, например, форму *ви-уыт-ины-дь*, которая включает в себя видовой суффикс законченности действия *-уыт* и суффикс *-ины* со значением намерения совершить действие. К тому же набор глагольных форм, на которые даются отдельные словарные статьи, для разных глаголов оказывается различным, что в большинстве случаев нельзя объяснить спецификой их

образования или значения у соответствующих глаголов.

Как словарные даются также грамматические формы и других частей речи. Так, в словаре приводятся падежные формы указательных и вопросительных местоимений, образуемые совершенно регулярно; в то же время оправдано наличие в словаре падежных форм личных местоимений ед. числа, при образовании которых наблюдаются некоторые специфические особенности. Не было необходимости давать в словаре отдельные статьи на звательную форму (по определению составителей, звательный падеж) существительных, поскольку она образуется по определенным правилам.

Объем словаря значительно увеличен также за счет того, что нивхские существительные переводятся не только соответствующими русскими существительными, но и относительными прилагательными, поскольку нивхские существительные в абсолютном падеже употребляются также и в функции определения. Так как эта функция свойственна всем нивхским существительным, обозначающим предметы, достаточно было бы оговорить это в статье о принципах построения словаря.

Нередко в качестве иллюстративного материала приводится такая форма слова, на которую затем дается отдельная словарная статья. Так, в статье на слово *ыр* «1) время; период, 2) срок» приводится *ырымьрты* «все время», *ырырух* «время от времени» (стр. 465), а затем даются отдельными статьями *ырымьрты* — «постоянно», *ырырух* «иногда, кое-когда, время от времени, временами» (стр. 466). Аналогичным образом в статье *тою* «ограда, забор, изгородь» находим словосочетание *тою ршы* «калитка» (стр. 357), которое несколько ниже в слитном написании дается отдельной словарной статьей (там же). В то же время в словаре иногда отсутствуют такие слова, производные от которых приводятся в нем; например, имеются слова *тайваркты* «быть пятнистым» (стр. 341), *тылтай* — кличка собаки (буквально «с пятном на лбу») (стр. 390), но нет слова *тай* «пятно».

Серьезные погрешности допущены при разработке значений слов. В частности, явно омонимичные значения нередко даются как значения одного слова. Например, как различные значения приводятся: 1) слова *выды* «проживать совместно» и «сидеть на одной наре» (стр. 59); 2) *етть* «вытащить из воды на берег» и «снять что-либо с огня» (стр. 79—80); 3) *кет* «посох с ручкой» и «восточное побережье Сахалина» (стр. 110); 4) *нядайс* «узкий кусок материала, который кладется на глаза покойника; наглазник» и «очки» (стр. 221); 5) *цызл* «ступня, стопа» и «подшва; подметка» (стр. 234); 6) *онь* «длинный шест для подтягивания сети» и

«рост человека» (стр. 244); 7) *пал* — «лес» и «гора» (стр. 250); 6) *пордь* «грустить; скучать, тосковать о ком-либо», «хотеть, желать чего-либо» и «созывать, приглашать кого-либо» (стр. 310) и т. д.

В словаре представлены и прямо противоположные случаи, когда различные значения одного и того же слова даются в словаре как омонимичные. Например, как омонимы приводятся: 1) *вазудь* «сшивать полосы невода»; *вазудь* «соединять, скреплять что-л.»; *вазудь* «надставлять что-л.» (стр. 45); 2) *иурдь* «пользоваться чем-л.»; *иурдь* «носить какую-л. одежду» (стр. 91); 3) *лытть* «делать, производить, совершать, исполнять что-л.»; *лытть* «выделывать, обрабатывать что-л.» (стр. 170—171).

Немало случаев, когда в словаре ошибочно определяются значения слов. Например, приводятся: *межр* «числ. колич. два, две (для счета крупных круглых и цилиндрических предметов, а тж. предметов неопределенной формы, тж. для счета ночей, родов)» (стр. 181) нужно: «два, две (для счета предметов разнообразной формы)»; *мховер* «числ. колич. десять (для счета сетей, неводов)» (стр. 198), нужно: «десять (для счета мест)»; *нхукр* «числ. колич. сорок (для счета крупных круглых предметов)» (стр. 215), нужно: *нхукр* «сорок (для счета предметов разнообразной формы)»; *ных* «числ. колич. четыре (для счета длинных округлых предметов)» (стр. 217), нужно: «четыре (для счета длинных и мелких округлых предметов)»; *някр* «числ. колич. один, одна, одно (для счета предметов крупных круглых и цилиндрических и предметов неопределенной формы, тж. для счета ночей, родов)» (стр. 220), нужно: «один (для счета предметов разнообразной формы)»; *паск/васк* — *фаск* / «в.-с. *пазри* 1) половина (парного предмета и одного из предметов, функционально связанных между собой)» (стр. 254), нужно: «один из парных предметов»; *т'ох* «числ. колич. пять (для счета длинных предметов)»; *пас т'ох* «пять неводных полос»; *т'ырк т'ох* «пять слоев рогожи» (стр. 383), на самом деле, при счете неводных полос употребляется числительное *т'оршкэ*, а при счете тонких плоских предметов, каковым является рогожа, употребляется числительное *т'орарх*; *кадь* 2) «направляться от задней стены жилища к двери» (стр. 139), нужно: «идти от передней стены жилища к двери»; *пиладь* «быть взрослым, возмужавшим» (стр. 259), *пиладь* «быть большим» (стр. 260), нужно: *пиладь*, *пиладь* «быть большим, быть взрослым»; *ныгудь* «поручать что-л. кому-л.» (стр. 215), нужно: «просить / заставлять кого-л. что-л. делать»; *ныгуигердь* «запрещать, воспрещать что-либо» (стр. 215), нужно: «отказываться заставлять/просить кого-либо что-либо делать»; *ныгуинды* «предложить что-либо кому-либо» (стр. 215), нужно: «собираться заставить/

просить кого-либо что-либо сделать»; *ныиыуытты* «обещать что-либо кому-либо» (стр. 216), нужно: «собирается сделать что-либо»; *п'и* «мест. возвр. себя» (стр. 285), нужно: *п'и* «себя» и *п'и* «сам» и т. д.

Сомнительны этимологии некоторых собственных имен, кличек животных, названий месяцев и других слов, предложенные в словаре. Так, по мнению составителей, слово *Амтай* (кличка собаки) буквально означает «с пятном у рта» (стр. 32), но первый его компонент *ам* означает «приманка, наживка», второй *тай* «пятно», а «рот» по-нивхски будет *ыңг*; женское имя *Вайзик* возводится в словаре к *вайоодь* «спать вместе с кем-л.» (стр. 46), но при помощи суффикса *-зик* от этого глагола должно было быть образовано имя *Вайозик*, а не *Вайзик*; имя *Вятюн* возводится к *вытх* «наконечник копыя, стрелы» (стр. 66), однако оно скорее образовано, при помощи суффикса *-н* от основы глагола *вытю-дь* «ковать что-либо»; имя *Кублик* возводится к слову *ку* «сутки» (стр. 121), вероятнее, однако, что оно образовано при помощи суффикса *-лик* от заимствованного слова *куб*, так как в нивхском языке нет суффикса *-блик*. *Аньылами лоц* «октябрь» буквально означает не «месяц начального замерзания рек и озер» (стр. 163), а «месяц половины года» (ср. *ань лоц* «декабрь»); *арфе лоц* «апрель» букв. означает не «месяц ловли корюшки» (стр. 163), а «месяц корюшки»; *масфсо лоц* «май» буквально означает не «месяц ловли красноперки» (стр. 163), а «месяц красноперки» и т. д.

Пользование словарем затрудняет значительное количество опечаток (они есть почти на каждой странице); к тому же нередко слова приводятся в неправильном написании. Более того: довольно часто двумя словарными статьями бывает представлено одно и то же слово в двух написаниях, одно из которых правильно отражает их фонемный состав, а другое — неправильно. Укажем на некоторые из таких ошибок: *т'олф* (стр. 13, 383), *толе* (стр. 357) «лето», нужно *толф*; *ир* (стр. 97), *эри* (стр. 486) «отец», нужно *эри*; *ких* II (*уих* — *гих*) 1) «рассол»; 2) «раствор» (стр. 115), *к'их* (*хих*) «рассол» (стр. 133), нужно *ких* (*уих* — *гих*) «1) соус, приправа; 2) рассол; 3) раствор»; *кы* «улица» (стр. 116), нужно *к'лы*; *кры* «утес» (стр. 121), *к'ры* (*хры*) «1) скалистый мыс; 2) утес» (стр. 134), правильно второе; *ковс* «ковш» (стр. 116), *ковскир* *ч'ах* *ковдь* «черпать воду ковшом» (стр. 73), *ковс* (*ховс*) «черпак» (стр. 149 — это слово дается под буквой *к'*), нужно: *ковс* «ковш, черпак»; *кутшваркт* «быть дырявым, худым» (стр. 124), *кутшваркт* «1) быть дырявым, быть прорванным; 2) быть ноздреватым, пористым» (стр. 136), правильно второе; *кукус* «крошка (частица)» (стр. 123), *к'укс* (*сукс*) «крошка» (стр. 135), правильно второе; *кыридь*

(стр. 127), *к'ыридь* (стр. 138) «болеть чесоткой», правильно второе; *куйңи* (стр. 122), *к'уйңи* (стр. 135) «тальник», нужно *куйңи*; *кыкудь* «куковать» (стр. 126), нужно *к'ыкудь* (ср. *к'ыкус* «кукушка», стр. 137); *кых* (стр. 127), *к'ых* (стр. 138) «амур (рыба)», правильно второе; *қалм* (стр. 139), *қалм* (стр. 147 — слово дается под буквой *қ'*) «кит» (небольшой по величине), нужно *қ'алм*; *к'ла* (*гла*) «1) выводная труба очага; 2) дымовая труба» (стр. 133—134), *қла* «выводная труба очага в жилище старого типа» (стр. 142), нужно *қ'ла*; *қари* II (*қари*) (стр. 142), *қ'ари* «лопата» (стр. 148), правильно второе; *қаруа* «кол для заездка» (стр. 141), *қ'аруа* «столб для заездка» (стр. 147), правильно второе; *кудрьюдь* «1) рычать, реветь (о животных); 2) шуметь» (стр. 214), *кудрьюдь* «рычать (о собаке)» (стр. 232), правильно второе; *ньваск* числ. колич. «один, одна, одно» (для счета парных предметов) (стр. 217), нужно *ньваск*; *пудм* (стр. 273), *п'удм* (стр. 295) «мошка», правильно второе; *порп* (стр. 267), *п'орп* (стр. 290) «волчок, юла», нужно *п'орб*; *тыңздь* «работать» (стр. 369), *т'ыңздь* «трудиться» (стр. 389), нужно *т'ыңздь* «собираться что-л. делать»; *тевоай* (стр. 346), *т'евоай* (стр. 381) «клен», нужно *тевоай*; *тупр* (стр. 365), *т'упр* (стр. 386) «перо, пух птицы», правильно первое; *тымы* (стр. 368), *т'ым* (стр. 388) «нерестилище», правильно второе; *урнудь* «голодать, скудно питаться» (стр. 396), *урнудь* «испытывать недостаток в еде; жить, существовать впроголодь» (стр. 396), правильно второе; *хуудь* (стр. 412), *хуудь* (стр. 429) «убивать медведя» (табу), правильно второе; *хуви* (стр. 413), *хуви* (стр. 420) «связка ююлы для корма собак», правильно первое; *ха* «ловушка» (стр. 416), *ха* «ловушка для соболя» (стр. 420), правильно второе; *хорга* «полка для посуды» (стр. 420), *хорга* «стенная полка» (стр. 430), правильно первое; *йанпа* (стр. 499), *йаңпа* (стр. 500) «шаманский пояс», правильно второе и т. д.

Несколько замечаний к «Краткому грамматическому приложению» (стр. 504—519) и «Краткому указателю частиц и суффиксов» (стр. 520—536).

В разделе «Чередования глагольных основ с местоименными показателями объекта» отмечается, что «большая группа переходных глаголов в нивхском языке включает в качестве префиксов местоименные показатели объекта *е-, ё-, и-, йи-, э-, ю-, йы-, я-*» и что «эти глаголы при наличии прямого дополнения имеют свои особые типы чередования» (стр. 511). В частности, указывается на следующие типы чередований: 1) *ё, ю, йи, йы, я* при наличии прямого дополнения не йотируются; 2) *е, ю, йи, я* при наличии прямого дополнения чередуются с *h*; 3) *и* меняется с последующим согласным своим местом, и выступающий вместо него согласный подвергается чередова-

ниям; 4) *э* меняется местом с последующим согласным, и выступающий вместо него согласный подвергается чередованиям; 5) *э* опускается, и в основе глагола за первым согласным появляется *о* (стр. 511—512).

На самом деле местоименными показателями объекта в составе прямопереходных глаголов являются префиксы *й-, и-, э-*, а то, что составители называют префиксами *е, ё, йи, ю*, является сочетаниями префикса *й-* с последующими гласными основы *э, о, и, у*. При наличии прямого дополнения эти префиксы опускаются, а префикс *й-* некоторых глаголов чередуется с *h-*; кроме того, в основе глаголов в этих случаях восстанавливаются утраченные в результате присоединения префиксов гласные. В связи с этим выделенные составителями типы «чередований» получают совсем иную трактовку. Первый тип «чередования» означает лишь, что группа глаголов с префиксом *й-* опускает его при наличии прямого дополнения. При втором типе чередований с *h-* чередуются не префиксы *е, ю, йи, я*, а префикс *й-*, например: *йэдъ* «варить что-либо», *чо һэдъ* «варить рыбу»; *йүпть* «завязывать что-либо», *һонтъ һүпть* «завязывать мешок» и т. д. При третьем и четвертом типах «чередований» не префиксы *и-* и *э-* меняются местом со следующим согласным, а они опускаются, и в основе восстанавливается утраченный гласный, как в случаях *ифкть* «запрягать кого-либо», *қан букть* «запрягать собак» (в основе глагола восстанавливается гласный *у*); *эмкть* «1) резать что-либо, 2) ломать что-либо», *чо мокть* «резать рыбу» (в основе глагола восстанавливается гласный *о*). При четвертом типе «чередований» опускается префикс *э-* и восстанавливается гласный *о* основы глагола.

Суффиксы *-бар/-бара* и *-сар/-сар* определяются составителями словаря как один и тот же суффикс категорического наклонения глагола (стр. 521), а на самом деле это два различных суффикса, хотя оба, действительно, образуют форму категорического наклонения глагола. Суффикс *-ае/-ае* образует только форму 2-го лица мн. числа повелительного наклонения глагола, утверждение же, что посредством этого суффикса образуются

также формы 1-го лица мн. числа и 1-го лица дв. числа (стр. 521), представляет собой явное недоразумение: показателем 1-го лица дв. числа повелительного наклонения является суффикс *-та*, а 1-го лица мн. числа — суффикс *-да*. То же самое следует сказать о значении суффикса *-вей/-вей*.

В индексе частиц и суффиксов дается *вините*, который определяется как суффикс, образующий форму 1-го лица дв. числа повелительного наклонения (стр. 524); в действительности же это форма 1-го лица дв. числа повелительного наклонения глагола *видъ* «идти» (*-ны* — суффикс будущего времени, *-те* — суффикс 1-го лица дв. числа повелительного наклонения).

На стр. 524 читаем: «При отсутствии формообразующих суффиксов ряд глаголов изъявительного наклонения в форме на *-дь (-ть)* субстантивизируется». Это неточно, так как, например, существительное *иньндъ* «пища» есть результат субстантивации глагола *иньдъ* «есть» в форме будущего времени.

-иныр определяется как деепричастный суффикс 1 и 2-го лица ед. числа (стр. 525). Однако, во-первых, здесь два суффикса — суффикс со значением намерения *-инь* и деепричастный суффикс *-р*, и, во-вторых, этот последний является показателем 2 и 3-го лица ед. числа.

кү (-үү ~ -хү ~ -гү), по мнению составителей словаря, образует форму мн. числа существительных и глаголов 3-го лица изъявительного наклонения (стр. 527; разрядка наша. — В. З.). На деле этот суффикс присоединяется к глаголу в форме изъявительного наклонения на *-дь*, которая не изменяется по лицам. В «Кратком грамматическом приложении» и «Кратком указателе частиц и суффиксов» есть и другие погрешности, на которых мы не имеем возможности здесь останавливаться.

Составителями «Нивхско-русского словаря» впервые собран большой лексический материал и, несмотря на отмеченные нами недостатки, проделанную ими работу следует оценить положительно.

В. З. Панфилов

Чой Лувсанжав. Орос монгол өвөрмөц хэллэгийн толь.
Эрхэлсэн Ш. Маамхүү, Х. Нямбуу.—Улаанбаатар хот, 1970. 640 стр.

Суга из центральных проблем современной фразеологии — конституирование едичных релевантных признаков фразеологизмов — может быть успешно решена только на основе анализа большого количества фразеологических явлений и

фактов, относящихся к типологически разным языкам. В связи с этим лексикографическая регистрация и интерпретация фразеологических единиц как один из способов их описания имеет немаловажное значение. Рецензируемый «Рус-